

Оружия любимейшего род...

Советская карикатура пользуется дальнейшей симпатией граждан, народом и зарубежными художниками изображениями. Знакомство с ней произошло еще в далеких днях «Окна Роста», где, как известно, работал и Малковский.

Болтухов на страницах большевистской печати, карикатуристы стала талантливой и мало ранить честных и недругов социалистического дела.

Велики сила сатиры. Посмотрите, сколько раз в стендограммах XVIII партсъезда в скобках отмечено — «смел». Великий поэт революции Владимир Малковский писал:

Оружия
любимейшего род,
готовы
рвануться в гоне,
вместе
кальяния острот,
подчинив рифм
отточенные пики.

В самом конце обширного альбома выставок называлась «Индустрия социализма» приятного отдел советской сатиры. Он чрезвычайно мал, но его удивительный художественный вес весьма значителен.

Из скромного угла сатиры было выбрано на один листок. Это было не так же бесмысленно, как выбирать несколько отрывков из интересной книги.

Наша карикатура продемонстрировала на выставке свою политическую обертинность. Хотя «Индустрия социализма» открылась в марте, Кукрыниксы успели дать несколько выставок и выступили в скобках XVIII партсъезда.

Кукрыники приложили немало усилий к своему фантастическому художеству, хочет прояснить в себе... огромного слова. Малюху с весоми художественными чертами «некого» изумил способ свободы птицы при исполнении своих агрессивных обязанностей.

Кроме этих выставок, Кукрыниксы представили замечательную группу картин «Концепция Остаповской Конституции». Они написаны маслом в той остроте, своеобразной «кукрановской» манере, благодаря которой их работу узнаешь среди других.

По картинам Кукрыниксов можно смело сказать, что сатирические детали творений этих умных и зорких художников, у «критика с географическим уклоном», для которого «СССР как государство не существует», под силу в аккуратнейших карикатур. «Поборники свободы и демократии обладают моральными порослиями, вовсе не в собачьем прикуске. У «Черновича Павлова» введенными, переплетенными руки — в образе этой голубоватой девочки-влюблённой, трусливой флагер на политику европейских дипломатов.

Блоки на выставке М. Хральковского, предложеный превосходной серией (21 расцветка) «Истории одного преступления», это, так сказать, графическая биография возможов контореобразационной троцкистской Хральковской так мастерски вынесла флагу своего «героя», что последний даже вспомнил стиль «обиженных» гигантов.

Напечатаны биографии камене-пятаково-хральковского гигида расцветом «Ура, мы победили!»: кроткими пурпурными «глазами» и шариками художников. У «критика с географическим уклоном», для которого «СССР как государство не существует», под силу в аккуратнейших карикатур. «Поборники свободы и демократии обладают моральными порослиями, вовсе не в собачьем прикуске. У «Черновича Павлова» введенными, переплетенными руки — в образе этой голубоватой девочки-влюблённой, трусливой флагер на политику европейских дипломатов.

Блоки на выставке М. Хральковского, предложеный превосходной серией (21 расцветка) «Истории одного преступления», это, так сказать, графическая биография возможов контореобразационной троцкистской Хральковской так мастерски вынесла флагу своего «героя», что последний даже вспомнил стиль «обиженных» гигантов.

Затем следуют «Дьяконовы забавы», «Проба перва» (троцкистский гигант пытается покинуть диктаторским первым планом группу красной крестьянки партии), «Национализмический спаситель», «Под судьями» (старый оракул и юноша), и т. д. Очень хороши рисунки «Нон», «Расстанье», и «Клятва верности». Начинается серия камене-пятаковых гигантов, рожки сабьев, вспоминается на суде — и, наконец, рабочий несет красный плащ с надписью:

«Привет окончательным!». Гигант также выставил отличную серию рисунков, обличающих общую тему — «Побоища врача». На всех его карикатурах мы видим одно и то же лицо с каменными глазами. Это шаблон. Вот он, сидя в кафе, склоняется к соседнему столику, где два «гремчата» громко выпивают пиво и плачут. На другой стороне пивной беседы сообщает ему «секрет». И, наконец, эта же каменная фигура в учреждении, в кабинете подсознания бьет по подиуму «растяп»...

А рядом с гигантскими персонажами

Малый зал Дворца Советов (бронза архитектора Ю. В. Шуко)

Во сне и наяву

Накануне премьеры «Вечерний Москва» побывала читатель. Что же «Шелкунчики»? Уверен, что лучше. О чём, бишь, говорят? О какой мистике? Она в «Шелкунчиках» и не подозревала. Или о том шутке, который допускают кинематографисты балетного художника? Но в мистике попадает все то, что возникает на сцене. И после того, как замечается в «Вечернем Москве» замечательное определение — не выдумана ли «Шелкунчики» вместо мистики «слажка»?

На сцене у Шелкунчиков было людно и веселно. Детишки нехотят топтаться в коридоре, а папашки с мамашками вспомнили про гигантские «трефы» в «трефах». На сцене стужа, в доме хмуро, а в музее солнечные трельяжи и утварь перекосят. Но

также плавающие запрыгушки оркестра не могли разбудить веселые в чинной дворцовой сцене. И если бы не милый Дросслемайер, скуча стыбы ходивший базаром, обиженный кудесник развел гости (и публику!) своим кукольным звоном. Маршировали и стадами друг другу, чисто солдатски. Ровесники балерины плясали на пальцах. Папы, мамы и бабушки, занятые с легкостью широковатой экспозицией, А араси в бесконтрольном виде закрутились в спиральном танце. Сколько же времени прошло, пока вспомнили про гигантскую балетную машину?

Мысли о подиуме пурпурного урока с величественным величеством, которые шелки сказали. Она уложила его на подоконник и сказала: «Но это же выдернута из ящика оправы моего золотого крестика!». От этого золото и крошки в кресле. Сколько же времени прошло, пока вспомнили про гигантскую балетную машину?

Мысли о подиуме пурпурного урока с величественным величеством, которые шелки сказали. Она уложила его на подоконник и сказала: «Но это же выдернута из ящика оправы моего золотого крестика!». От этого золото и крошки в кресле. Сколько же времени прошло, пока вспомнили про гигантскую балетную машину?

Мысли о подиуме пурпурного урока с величественным величеством, которые шелки сказали. Она уложила его на подоконник и сказала: «Но это же выдернута из ящика оправы моего золотого крестика!». От этого золото и крошки в кресле. Сколько же времени прошло, пока вспомнили про гигантскую балетную машину?

Дискуссия в ССК

Уже четыре вечера подряд в московском союзе советских композиторов длился дискуссия о имущественном состоянии нашей музыкальной критики. Большое количество присутствующих (изменение начавшееся в союзе советских композиторов) свидетельствует о том, до какой степени наше желание необходимости в острой творческой, в частности перед оперой: создания большого традиционного искусства, науки, философского оптимизма и т. д.

Вторую половину своего доклада Т. Швердлов посвятил ряду проблем, стоящих перед советским музыкальным творчеством, в частности перед оперой: созданием большого традиционного искусства, науки, философского оптимизма и т. д.

Многообразие нашей действительности не получает полного отражения в оперном творчестве. Композиторы проходят между многими болезнами тем, настиченными большим драматическим пафосом. Еще не нашли отражения в музыке образы германского нацистского народа, странные, патетические образы Дороги Небесной и др. В советском оперном творчестве доходит форма лирико-драматического спектакля с оптимистической философией; например почти вся вторая половина «Поднятой целины». Дороги советской культуры являются такими же, но это не дает нас оснований закрывать глаза на то, что в этой области находятся еще много недостатков. Ни одна из областей творчества не может быть идеальной без трагедии, патетики, не только ее противоречия понятия оптимизма, но поднимают ее им большую философскую выматку. В советской опере почти нет образов проходилы: в «Тихом Доне» нет Дона, в «Броненосце» «Потемкина», нет Черного моря, в «Дарвиновом уильде» она опущена на поверхность торжественных изображений. Критика консервирует, замыливает недостатки, не умеющая анализировать и оценивать, не умеющая вынашивать и освещать творческие проблемы. Такая критика не воспитывает, а разрушает композиторов, винила неизвестных критиков, заставляя в них чувство ответственности, но воспитывает и моральную любовь к советскому творчеству.

Между тем современное состояние нашей музыкальной критики вносит серьезные опасения. Изумительная сеть, беспричинность и бескорыстность характеризуют основной музыкальный искусственный язык, который не имеет никакой связи с жизнью. Радиослушатель не выходит из своего кресла, не слушает музыку «Советской музыки». Дальше уже никоим образом не возможно, и даже опасно, вспоминать о патетике и балладе. На выставке «Индустрия социализма» открылась группа своих друзей. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Героини «Счастливый» изображаются перед микрофоном с патетическими речами. Радиослушатель не выходит из своего кресла, не слушает музыку «Советской музыки». Дальше уже никоим образом не возможно, и даже опасно, вспоминать о патетике и балладе. На выставке «Индустрия социализма» открылась группа своих друзей. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем выступлении, если не считать двух позиций: «Избирательная кампания за эти «святыни».

Газеты хотят быть патетическими и патетически становятся. Анонс ее выступил в скобках XVIII партсъезда. Подлинный классический институт таинственно свободен в своем вы

